

Его утверждение о возможности чувственного восприятия (хотя и в определенной ситуации) «нетварного» света открывало широкий простор эстетическому сознанию и художественному творчеству, что не замедлило проявиться уже в конце XIV — начале XV столетия в искусстве как самой Византии, так и в еще большей мере древнерусского мира. Поэтому имеет смысл несколько подробнее всмотреться в паламитскую концепцию фаворского света, саму форму и способ ее изложения, т. е. всмотреться в ее собственно эстетический абрис.

К проблеме фаворского света Палама обращался во многих своих сочинениях — и в беседах с верующими, и в философско-богословских трактатах, и в наставлениях к практикующим исихию. Прежде всего он стремился доказать (а точнее, показать) принципиальную «нетварность», т. е. трансцендентность света Божественного Преображения.

Уже то, что Иисус взял с собой на гору только избранных учеников, ясно свидетельствует, по мнению Паламы, что он собирался показать им «нечто великое и таинственное», а не просто чувственно воспринимаемый свет (Ibid. Т. 151. Col. 433 С). Христос — сам от вечности свет (Ibid. Col. 432 А), и именно этот «нетварный» свет был явлен ученикам на Фаворе (Ibid. Col. 425 АВ). Только «приверженцы эллинской науки», полагает Григорий, могут считать тварным и чувственным этот «невещественный, невечерний, присносущный и превышающий не только чувства, но и силу ума» свет (Ibid. Col. 432 CD). Если бы он был тварным и каким-то новым светом, то мы должны были бы признать в Христе три природы: божественную, человеческую и «природу этого света», что противоречит христологическому догмату. Отсюда следует, что Христос показал на Фаворе не иное какое сияние, но изначально скрытое в нем под плотью «сияние божественной природы; так что свет этот является светом божества и несотворенным» (Ibid. Col. 433 А).

Для большей убедительности в обосновании трансцендентности фаворского света Палама обращается к световой метафизике «Ареопагитик». Размышляя над евангельской фразой: «...се, облако светлое осенило их» (Мф. 17, 5), он задает своим слушателям риторический вопрос: «А не {438} было ли это облако тем неприступным светом, в котором обитает Бог, и тем светом, в который он облачается, как в одежды?» И отвечает утвердительно, вспоминая Дионисиево определение Бога как «сверхсветлой тьмы». Этот свет является тем же самым, что и тьма (καὶ ὁ φωτὶς ἐστὶν ἐν τῷ σκοτεινῷ καὶ ὁ σκοτός), «по причине неприступности блеска его сияния» (PG. Т. 151. Col. 441 D). И во многих других местах Палама утверждает нетварность, сверхъестественность, недоступность, т. е. трансцендентность божественного света (ср.: Ibid. Т. 150. Col. 1168 BC; Т. 151. Col. 445 В etc.), который тем не менее был явлен ученикам на Фаворе и виден ими. Таким образом Палама утверждает и его *имманентность* тварному миру. Здесь он опять прибегает к авторитету ранней патристики, и в первую очередь к авторитету автора «Ареопагитик»: «И великий Дионисий, заявляя, что тот неприступный свет есть мрак, в котором, как сказано, обитает Бог, утверждает, что в нем бывает всякий, удостоенный знания и видения Бога» (Ibid. Т. 151. Col. 444 А). Избранные ученики Христа были также удостоены приобщиться к этому свету.

В «Главах физических, богословских, нравственных и практических» Палама писал о причастности небесных чинов божественному свету: «А о том, что и ангелы причастны ему и что он нетварен и не является божественной сущностью, знают все, достаточно знакомые [с трудами] богомудрых апостолов и богословов» (Ibid. Т. 150. Col. 1168 В). И далее, опять цитируя Ареопагита, он показывает, что ангелы объединены «с безначальным и бесконечным сиянием прекрасного-и-благого», но отделены от сущности Бога. Полемизируя с рационалистами, Палама вынужден постоянно заострять внимание на том, что, хотя божественный свет не сотворен и предвечно присущ Богу, он не является его сущностью. Именно поэтому к нему причастны ангелы и святые. И наоборот, так как многие сотворенные существа имеют причастие к этому свету, он не относится к сущности Бога, ибо она проста, «совершенно неделима и неприступна» (Ibid. Т. 151. Col. 448 С).

Божественному свету, настойчиво повторяет Палама и в «Главах физических», были причастны и Адам, и апостол Павел. Отблеск этого света узрел Савл на пути из Иерусалима в Дамаск и приобщился к тем, кого беспощадно преследовал до этого (Ibid. Т. 150. Col. 1168 D—1169 А). Нет физических или каких-либо иных принципиальных препятствий для узрения божественного света. Необходим только соответствующий образ жизни, и Бог дарует любому такую возможность. Все праведники, утверждает Палама, просветятся в царстве Божию, и сами, «став всецело божественным светом, как порождения божественного света, они узрят Христа, божественно и неизреченно сверхсияющего». Слава неземного сияния явилась и на Фаво-